

* * *

Рыдать мужчине зрелому к лицу ли?
Но под вскруживший комнату мотив,
сынишку на руках держа, танцую
и плачу, вдруг о детстве загрустив —

ведь мама эту музыку любила...
И вот, связав сердца и времена,
какая-то магическая сила
созвучьями пленяет шалуна —

затих и внемлет, как, скользя по плёсам,
журчит рояль, а в кроны брызжет медь,
но, видя на щеках у папы слёзы,
теряется, готовясь зареветь.

Мой умненький, ты только не смущайся:
всё дело в том, что я не знаю сам,
то — небо ли растрогалось от счастья,
иль скрипки резанули по глазам.

БУРАН

Всю ночь мело и бушевало, срывало, било и несло и рифмы тридевятым валом ломались в звонкое стекло и громче сотни тамбуристов, согласно планам высших сил, недремлющий настенный пристав по жилам ямбом колотил. И дух, пылающий отвагой и жаждой битвы на износ, терзал, как скальпелем, бумагу, насквозь солёную от слёз — как будто вскриком каждой руны стараясь воспроизвести, как с воем рвутся суперструны на звёздных лирах и в груди; как будто, исподволь научен запретной мудрости богов, мог через исповедь созвучий постичь и ярость, и любовь, поклялся сбросить иго рока, прочуял музыку времён. Казалось, лишь замкнутся токи — и вот он, твой Армагеддон — миг искупления и выси! — когда кончается игра и торжество добра зависит от веры хрупкого пера, и — сколько б тьма ни напускала разбойных вьюг и колдовства — все чары адского кристалла развеют вещие слова! Казалось, рушатся темницы: ещё рывок, ещё чуть-чуть — и ложь навек искоренится, и смерть удастся обмануть...

Но шли часы, светлело в зале, стихал буран, и вместе с ним как будто что-то ускользало, как в форточку — табачный дым. А утром, глянув на сугробы, дал залп небесный адмирал и золотом апрельской пробы в ручьях победно засиял. И дух, сославшись на усталость, почил без всякого стыда. И на клочках листа осталась... одна вода.